

Историческая повесть для юношества

Л.Чарской

Смелая жизнь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Обитатели старого сада

Большой, старый сад сарапульского городничего Андрея Васильевича Дурова ярко иллюминирован. Разноцветные бумажные фонарики -- красные, желтые и зеленые -- тянутся пестрыми гирляндами между гигантами деревьями, наполовину обнаженными от листвы беспощадною рукой старухи-осени.

Пылающие площадки, разбросанные там и сям в сухой осенней траве, кажутся грандиозными светляками, дополняя собой красивую картину иллюминации. А над старым садом, непроницаемая и таинственная, неслышно скользит под своим звездным покровом черноокая красавица -- осенняя прикамская ночь...

На стенных часах в доме городничего пробило одиннадцать.

И миг старый дом дрогнул и оживился. Целая толпа девушек в легких белых платьях, обшитых кружевами, рюшами и блондами, какие в начале XIX века, по тогдашней моде, носили наши прабабушки, высыпала на крыльцо.

-- Какая ночь! Чудо! Совсем как летом! -- зазвенел звучными переливами молодой голосок, и одна из белых фигурок протянула обнаженные до локтя руки к темному небу и ласковым звездам.

-- В такую ночь не грешно и по Каме прокатиться, не правда ли, Клена? -- присоединился к первому голосу второй, грудной и низкий, с приятными бархатистыми нотами.

Та, которую звали Кленой, повернула лицо к говорившей. Это была настоящая четырнадцатилетняя красавица. Ни у кого, не только в уездном городе Сарапуле, но и в целой губернии, не было такого снежно-белого личика, таких темно-синих глаз, похожих на два великолепные сапфира, ни золотистых кос того неподражаемого червонного отлива, какими обладала вторая дочь сарапульского городничего, Клеопатра. И четырнадцатилетняя Клена лучше всех сознавала неотразимую прелесть своей необычайной красоты и очень гордилась ею.

-- Ну уж ты выдумаешь, Устеня! -- произнесла она недовольным голосом. -- Что может быть интересного на Каме ночью! Меня, по крайней мере, туда вовсе не тянет.

Действительно, белокурую красавицу Клену не тянет на Каму. Что там хорошего? Холодно, сыро, темно. А в зеленых зарослях еще, чего доброго, водятся русалки. А она -- белокурая Клена -- больше всего в мире боится сырости и русалок. Она не Надя. Надя другое дело. Та ничего не боится, отчаянная какая-то! Та не только на Каму, на кладбище побежит ночью. Ведь ходила же она прошлой весной смотреть утопленника, выброшенного на берег. А она, Клена, иная. Она -- степенная, благовоспитанная барышня, а не "гусарская воспитанница", не "казак-девчонка", как называют все ее старшую сестру.

Да, кстати, где же она? Иллюминация гаснет, гости собираются уходить, а Надежды и след простыл. Хороша именинница! Для нее устроен этот вечер, зажжены фонарики и площадки, приглашены подруги, а она и ухом не ведет. Любезная хозяйка, нечего сказать!..

И хорошенькая Клена с беспокойством оглянулась на белую толпу девушек: так и есть -- там нет Нади. Она исчезла.

-- Вася, -- взволнованно обращается девочка к плотненькому, коренастому мальчугану, резко отделявшемуся своим темным мундирчиком от нарядных светлых платьиц юных гостей, -- ты не знаешь, где Надежда?

Одиннадцатилетний Вася, беспечно рассказывавший в это время одной из барышень о том, каких крупных карасей наловил сегодня в их пруду дворецкий Потапыч, сразу замолк и осекся.

Нет он не видел Нади. Где же она? И мальчик стал с беспокойством вглядываться в темную чащу сада, где не горели огни и где было таинственно и жутко.